

НАТАЛЬЯ СОЛНЦЕВА

Фам фаталь

18+

Наталья Солнцева

Фам фаталь

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Солнцева Н. В.

Фам фаталь / Н. В. Солнцева — «ЛитРес: Самиздат», 2018

У Боброва свой бизнес, он прочно стоит на ногах, и всё идет по накатанным рельсам – ровно до тех пор, пока в его жизни ни появилась Женщина. Она – странная, во многом ему непонятная, но его к ней очень сильно влечет. Как никогда и ни к кому. Началось всё с обычного служебного романа, который перерос в страсть, но всегда присутствовало нечто, что оставалось для него тайной, загадкой – что-то такое, что выходило за рамки понимания, интриговало и будоражило воображение. Он не мог четко осознать, что именно «не так» в этой женщине, но, общаясь с ней, постоянно сталкивался с нестандартностью ее поведения... Так кто же она, эта фам фаталь?

Содержание

Часть 1	7
Глава I. Он	8
Глава II. Она	9
Глава III. Новая сотрудница	13
Глава IV. День Рождения	16
Глава V. Поездка в пансионат	20
Глава VI. Возвращение в город	31
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Ты – женщина, ты – книга между книг,

*Ты – свернутый, запечатленный свиток;
В его строках и дум и слов избыток,
В его листах безумен каждый миг.
Ты – женицина, ты – ведьмовский напиток!
Он жжжет огнем, едва в уста проник;
Но пьющий пламя подавляет крик
И славословит бешено средь пыток.
Ты – женицина, и этим ты права.
От века убрана короной звездной,
Ты – в наших безднах образ божества!
Мы для тебя влечем ярем железный,
Тебе мы служим, тверди гор дробя,
И молимся – от века – на тебя!*

(Валерий Брюсов, 11 августа 1899 г.)

Часть 1

Когда он вспоминал, как Она появилась в его жизни, то не мог припомнить ничего особенного, невероятного – такого, с чего часто начинаются выдающиеся Истории Любви.

Все начиналось довольно банально – обычный служебный роман, такой, каких происходило и происходит сотни, а то и тысячи по всему миру и в разные времена.

Глава I. Он

Он – руководитель небольшого, но зато стабильного и прочно стоящего на ногах бизнеса. Надо заметить, что принадлежащая ему «фирмочка», как он ласково называл свою не очень большую компанию, хорошо зарекомендовала себя на рынке не просто по прихоти Фортуны, подарившей ему одну из своих улыбок, а благодаря упорной и кропотливой работе, изо дня в день на протяжении последних 7 лет.

Именно он, Бобров Сергей Иванович, ныне 37 лет от роду, потомственный физик-теоретик в третьем поколении, а также доктор исторических наук по второму образованию, вкалывал, что называется не покладая рук, чтобы сначала создать, а потом развивать, двигать вперед бизнес, который стал его детищем, его смыслом жизни, если хотите. Ему не был интересен быстрый навар, сиюминутная прибыль, т. к. он никогда не ставил целью как можно скорее заработать деньги ради самих только денег, не думая о том, что будет дальше. В силу природных задатков, заложенного в детстве воспитания и полученного образования Бобров принадлежал к той касте бизнесменов, которым был интересен сам процесс организации и развития крепкой структуры, которая была бы способной не просто пропускать через себя деньги, как он это называл, занимаясь нехитрым делом «купил – продал», а могла бы что-то создавать, строить, производить. Вот он и строил, планомерно укладывая кирпичик к кирпичику и заливая крепким цементом (в фигуральном смысле, конечно).

Так прошло 7 лет. За это время в его фирме отфильтровался и сложился небольшой, но очень хороший, сильный коллектив из надежных, а главное – высокопрофессиональных сотрудников. Каждому из них, действительно, не было равных в том деле, которым они занимались. И подбирал кадры он всегда самостоятельно, не доверяя даже самым опытным менеджерам из рекрутинговых агентств. Это было непреложное правило, из которого никогда и ни при каких обстоятельствах не делалось исключений.

Глава II. Она

А вот как появилась в их фирме Она – этот вопрос он до сих пор продолжает себе задавать, но так и не находит на него какого бы то ни было вразумительного ответа. Одним словом – приبلудилась. По-другому, пожалуй, и не скажешь, т. к. именно это не совсем благозвучное слово наиболее точно передает то, что на самом деле произошло и непосредственно связано с ее появлением в офисе его фирмы.

Он как сейчас помнит, что в тот самый день шел дождь, причем это не был кратковременный, легкий весенний дождик, какие часто бывают в это время года, а самый что ни на есть затяжной, да к тому же грозовой ливень с громом и молниями, от которых содрогалось все вокруг, и не только вокруг, но и внутри него самого – успешного и уверенного в себе бизнесмена, которому вообще не свойственно было впадать в тревожные состояния, тем более вызванные природной стихией. Тем не менее, от одного только воспоминания об этом у него до сих пор выступают влажные капли пота и не только на лбу, как это принято считать, но и по всей поверхности кожи, мороз проходится между лопаток, а сердце гулко бухает где-то в области барабанных перепонки. Бр-р-р, до чего же гадкое чувство, даже вспоминать неприятно.

И вот в один из таких, по истине дьявольских, раскатов грома он услышал, как в его дверь как будто тихонько поскреблись. Оторвавшись от монитора компьютера, Бобров с удивлением взглянул на дубовую, обитую дорогой кожей, дверь своего кабинета. В приемной, где должна была сидеть секретарь Марина, все было тихо.

«Наверное, послышалось», – решил для себя Бобров и вернулся к чтению условий договора, присланных вчера по мэйлу одним из партнеров его компании. Не успел прочитать и двух строк, как его уши опять уловили какой-то странный, не характерный для офисной обстановки звук – за дверью явно находился кто-то живой и производил этот шум, похожий на... царапание кожаной обивки двери.

Но кто, черт побери, мог находиться в приемной его офиса и портить его дверь? Что там все с ума, что ли, посходили? И куда только Марина смотрит?

Чтобы получить ответы на эти вполне резонные вопросы, Бобров встал из-за стола, быстрым шагом пересек небольшое пространство своего кабинета и решительным движением распахнул дверь...

На пороге стояла Она. Правда, тогда он еще не знал, кто она такая, т. к. видел ее впервые в жизни и поэтому сильно удивился. Покрутив головой из стороны в сторону, Бобров тут же для себя отметил, что ни Марины, ни одного из дежуривших в этот день охранников поблизости не было. Что было уже само по себе очень странно, т. к. не соответствовало четкому порядку, установленному в офисе. Даже на обед разрешалось выходить только по одному человеку, а не всем сразу покидать свои рабочие места. Курение же во время рабочего дня было вообще запрещено, все это знали и всегда неукоснительно выполняли заведенные правила.

«Надо будет потом выяснить, куда это все так одновременно подевались», – подумал Бобров и еще раз недоуменно взглянул на неожиданную гостью. Удивление Боброва было вызвано не только внезапностью ее появления, но и самим внешним обликом визитерши.

Сказать, что она выглядела нестандартно, это означало бы ничего не сказать! Ее внешность не вписывалась ни в какие общепринятые рамки, если можно так выразиться, по крайней мере – известные Боброву и тому кругу, к которому он принадлежал.

Первая мысль, на которой поймал себя пораженный Бобров, привела его в состояние шока. «У меня никогда не было такой женщины», – вот что пронеслось в его мозгу в первую минуту их встречи.

Почему Бобров сам удивился своей мысли? Ну, наверное, в первую очередь потому, что он отнюдь не относился к тому типу мужчин, которые воспламеняются от одного только взгляда на первую попавшуюся им на глаза мало-мальски привлекательную женщину.

Нет, разумеется, Бобров не был полным аскетом, и ни что человеческое ему отнюдь не было чуждо, тем более что касалось прекрасного пола – чего уж там греха таить. Но все его прежние отношения никогда не завязывались, что называется, на любви с первого взгляда. Поскольку Бобров был человеком исключительно рационального склада ума, и всей его натуре была от природы свойственна степенная основательность, то и в любовных отношениях у него всегда так складывалось, что он предпочитал строить эти самые отношения на куда более устойчивой базе, чем мимолетное увлечение.

Первая любовь его посетила еще в далекой юности. Это была прекрасная девушка, с которой они вместе учились в одной школе, в старших ее классах, куда она перешла после того, как ее семья переехала жить из одного района в другой. Лиза была младше на год, поэтому учились они в разных классах – она пришла в восьмой, когда он уже оканчивал девятый. Была, как и сейчас, весна в самом разгаре. Все его одноклассники, точно проснувшиеся после долгой зимней спячки, влюблялись и во всю крутили романы, как это принято тогда было говорить. Девчонки из его класса предпочитали встречаться с мальчиками из десятых классов, а некоторые даже бегали на свидания к студентам первокурсникам. Рядом с их школой находился один из престижных московских ВУЗов, где, в силу его специфики, учились в основном ребята, а девушек в него поступало совсем мало. Кстати, именно этот институт окончит впоследствии и сам Сережа Бобров. У него же на тот момент не было «дамы сердца», и этот факт вызывал презрительные насмешки со стороны остальных пацанов, которые во время всех перемен, а также после окончания уроков, хвастались друг перед дружкой своими победами на любовном фронте, а проще говоря, перетирали, кому и скольких девчонок удалось «склеить» и «закадрить». Сереже такие бахвальства были не по нутру – претили. Кроме того, он сильно сомневался в истинности всех этих историй, с таким упоением и петушиной гордостью рассказываемых «мужиками» – уж больно все это смахивало на обычную похвалу, когда желаемое выдается за действительное, дабы не ударить в грязь лицом и прослыть «крутым перцем». Многие из этих love story, несомненно, рождались в воспаленном взбунтовавшимся гормонами мозгу рассказчиков и рисовались с тем размахом, на который было способно воображение каждого из участников таких посиделок. На все усмешки и подковырки со стороны одноклассников Сережа Бобров предпочитал отшучиваться или просто отмалчивался. Во всяком случае, он считал глупым влюбляться «по заказу» только для того, чтобы быть как все, не выбиваться из коллектива, или чтобы было о чем поддержать «мужской разговор». Он знал, что придет время, и все произойдет само собой, без всякого к тому принуждения. Так и случилось.

В школе проходила подготовка к олимпиаде по физике, на которую от девятого класса послали его, Сережу Боброва, а из восьмого – новенькую девочку, Лизу Перепелкину, которая за полтора месяца учебы успела зарекомендовать себя соответствующим образом. И когда встал вопрос об участии в олимпиаде, ни у кого из учителей даже не возникло сомнений, что поедет на нее защищать честь класса именно она. Там они и познакомились, оба вышли победителями в той олимпиаде и заслужили уважение всей школы. В честь этого события даже была устроена торжественная линейка, на которой их поздравляли директор школы, завуч и учителя. После этого Сережа стал провожать Лизу домой, часто они готовили вместе уроки, вернее он, как старший, помогал Лизе, объясняя ей наиболее сложный материал.

Затем поступили в один институт, правда, на разные факультеты, и когда он закончил учиться, а Лиза была на пятом курсе, осенью сыграли свадьбу. Еще через год у них родился сын Антошка. Лиза три года не работала, воспитывая сына, а он трудился на кафедре одного из закрытых, как тогда принято было называть, НИИ. Его карьера успешно шла в гору, он быстрыми темпами продвигался по должностной лестнице, и все было бы ничего, если бы не

шарахнула в стране перестройка – наука стала никому не нужна, и все институты стали закрываться один за другим или переходить на самоокупаемость. Кто работал в той системе, знает, что это такое. В общем, и Сергея Боброва, в то время молодого подающего надежды специалиста, коснулась судьба многих научных работников: чтобы прокормить семью, он вынужден был поставить крест на научной карьере и пойти «на вольные хлеба» – зарабатывать деньги.

Поначалу у него это не слишком хорошо получалось – на этапе становления дикого бизнеса ему мешала его природная порядочность, честность и интеллигентность – слишком многие тогда играли по своим правилам и не считали зазорным «кинуть лоха», а он не мог и не хотел отвечать тем же. Был период отчаянного безденежья, из которого приходилось выкарабкиваться, раздирая в кровь ногти и стачивая зубы от усилий. Многие тогда так и не смогли подняться: кто-то запил и совсем выпал из бизнеса, а кто-то и вовсе сгинул. Сколько тогда полегло народу – одному Богу известно, а вернее было бы сказать, дьяволу. Кого-то, более удачливого или наиболее наглого, отстреливали, взрывали и поджигали. Кто-то, кто оказывался по другую сторону баррикад, садился – причем надолго. В общем, мало кто из попавших под мельничные жернова бизнеса той эпохи выбрался живым и невредимым, без тех или иных потерь: кто-то потерял дом и последние деньги, кто-то своих близких, а кто – и самого себя.

И Сергей Бобров, к сожалению, не стал исключением из общего правила – на его долю также выпали лишения и потери. И одной из самых серьезных стала его семья. Да, грустно об этом вспоминать, но не хватило тогда у них сил, чтобы сохранить то, что так хорошо начиналось. Он до сих пор даже не знает, кто из них с женой виноват больше: он ли, что-то важное упустивший из виду, чего-то не доглядевший, или она, не сумевшая что-то понять, принять, перетерпеть. Но, так или иначе, их семейная лодка побултыхалась, посопротивлялась окружившей ее стихии, да так и не пристала к тихой гавани, а затонула посреди океана жизненных трудностей, накрытая очередной отчаянной волной. Это сейчас Бобров думает, что можно было что-то изменить, что-то переиграть, что-то спасти, а тогда... В то время, если честно, у него физически даже не было времени, чтобы остановиться во время гонки, в которую он был втянут не по своему желанию, а по воле судьбы, и задуматься, оглядеться. Тогда все складывалось так, как складывалось. Да чего уж ворошить прошлое!

После развода с женой у него было еще 2–3 более или менее серьезных романа. Однако эти отношения больше не приводили к созданию семьи, а затухали, сходили на нет сами собой. С каждой из этих женщин Бобров до сих пор поддерживает теплые, но уже чисто приятельские отношения, т. к. всегда исхитрялся расставаться так, чтобы не нанести душевной травмы другому человеку, не ранить, а оставить после себя только приятные воспоминания. И не раз эти женщины помогали ему в тех серьезных жизненных ситуациях, когда нужна была помощь и поддержка близкого человека. Да и он тоже готов был сделать, и делал все, что было в его силах, чтобы каждой из них жилось легче.

Но все эти женщины, включая, теперь уже бывшую, жену, не были даже издалека, даже немногим похожи на ту, которая сейчас стояла на пороге офиса и смотрела ему в глаза. И, тем не менее, он ощущал, как по всему телу разливается нечто, что он не в силах ни объяснить, ни тем более побороть в себе. Это было похоже на все, что угодно – на магию, колдовство, гипноз, только не на то, что ему доводилось испытывать и переживать когда-либо раньше в своей жизни. А Она просто молча стояла, изредка переступая с одной ноги на другую, и продолжала смотреть на него в упор, погружая в какую-то невероятную, почти потустороннюю бездну своих глаз. О ее глазах нужно сказать особо, т. к. они в полной мере заслуживают отдельного описания.

Итак, Ее глаза. Сказать, что это были два бездонных, затягивающих в свою неизведанную глубину омут – это было бы слишком по-литературному банально: к этому штампу прибегают в восьми из десяти случаев, когда хотят описать неимоверную красоту, притягательность женского взгляда. Хотя почему-то никогда так не пишут о мужских глазах, даже самых прекрасных

и выразительных. Тем не менее, ее глаза на самом деле затягивали и не хотели отпускать. В них было нечто мистическое, такое, что пробирало тебя до самого мозга костей, и уже не было ни сил, ни воли, чтобы отвести свои глаза, оставалось одно – подчиниться их воздействию.

Так произошло и с Бобровым. Где-то на самом заднем плане его сознания еще оставались какие-то мысли, но они всплывали все реже и все менее отчетливо, душа же уже полностью была подчинена влиянию этих удивительных глаз, с ней можно было делать все, что угодно, и она бы не нашла в себе сил воспротивиться. То, что происходило внутри Боброва, можно было сравнить с глубоким трансом, в который человек погрузился и не хочет из него выходить – настолько комфортным и естественным ему кажется это состояние в тот момент. Сколько прошло минут – пять, десять, пятнадцать или все полчаса, Бобров бы не смог сказать, т. к. полностью выпал из времени и перестал его ощущать. И неизвестно, сколько еще он мог бы так простоять, если бы Она первая не нарушила молчания, тем самым выведя его из гипнотического состояния.

– Привет, – несколько фамильярно (учитывая, что это была их первая встреча, которая к тому же происходила не в баре или клубе, а вполне солидном офисе) даже не произнесла, а как будто промурлыкала Она.

– Я Агата. Не найдется какой-нибудь работёнки для меня?

Бобров все также молча кивнул и посторонился в проеме двери, пропуская ее внутрь своего кабинета, на пороге которого они стояли все это время.

Она же, не чувствуя абсолютно никакой неловкости, стеснения или смущения, легко и грациозно проскользнула мимо него, не задев даже краешка его одежды, несмотря на близость и тесноту в момент своего перемещения, и остановилась у кресла, стоящего в углу кабинета. Не долго думая, все с той же грацией и изяществом, которые, как уже успел заметить Бобров, были свойственны всем ее движениям, она забралась в это кресло, подобрав под себя ноги – что также было довольно необычным в офисной обстановке, но Бобров уже перестал чему-либо удивляться в ее поведении или манере разговора. Он просто прикрыл дверь кабинета и прошел за свой письменный стол. Сел в высокое директорское кресло и посмотрел на Нее. Поскольку из трех стоящих в кабинете кресел для посетителей, нескольких стульев, а также дивана напротив окна, она выбрала то кресло, которое стояло в углу и спиной к окну, то ее лицо полностью оказалось в тени. Было странно разговаривать, не видя глаз собеседника, но, учитывая то, какое воздействие оказали Ее глаза на Боброва, он решил, что в данном случае, может, это и к лучшему. Итак, надо было продолжать начатую беседу, в которой сам Бобров не произнес еще ни единого слова. И он его произнес. И это не был вопрос: «Кто Вы по профессии или образованию?» и вовсе не «А что Вы умеете делать?», – что было бы уместно предположить в подобной ситуации. Нет. Сам того не ожидая, как будто все еще находясь под гипнотическим действием ее глаз (хотя они и были скрыты от него падающей от окна тенью), Бобров сходу ответил:

– Конечно, у нас найдется для Вас работа! И Вы можете к ней приступить прямо завтра.

В этот момент за окном прогремел новый раскат грома, и весь кабинет озарился очередной вспышкой молнии. Одновременно с этим на какую-то секунду Боброву показалось, что таким же неистовым огнем вспыхнули глаза Агаты.

«Наверное, отблеск молнии», – тут же решил для себя Бобров, не обратив внимания на то, что она сидела не лицом, а спиной к окну.

Глава III. Новая сотрудница

На следующий день Агата снова появилась в офисе, только в ее внешности произошли существенные изменения. Если накануне Бобров был поражен необычностью ее облика, то сейчас он был не менее удивлен преобразованиями, которые произошли за столь малый промежуток времени.

Вчера она предстала перед ним в образе, который одним словом и определить-то трудно. Это была удивительная смесь дикарки из городских джунглей с примесью чего-то мистического, рокового, такого, что обычно встречается в женщинах-вамп. На ней было неопределенного цвета платье средней длины, подол которого был скроен столь причудливо и замысловато, что хотя и производил впечатление порванного или порезанного на ассиметричные лохмотья, все же было видно, что над ним трудился опытный дизайнер. Поверх платья была надета легкая джинсовая куртка, которая также была явно авторской работы: на ней было много разных диковинных, как принято говорить, фенечек, молний, карманов и т. д. На ногах – плетеные босоножки без каблука. Волосы и вовсе не были уложены, а попросту струились по шее, плечам и спине в том беспорядке, который иногда называют творческим. Возможно, это объяснялось непогодой, и было вызвано естественными причинами, но Боброву тогда почему-то показалось, что и над этим хаотичным «беспорядком» работали руки профессионального мастера...

Сегодня же на ней был прекрасного кроя деловой костюм, туфли на очень тонком и высоком каблуке – шпильки, строгий, едва заметный глазу макияж (накануне не было совсем, по крайней мере, так показалось Боброву), на голове – стильная «сложносочиненная» прическа. Одним словом, перед ним и всем коллективом офиса предстала истинная бизнес-леди и никак иначе.

«Вот уж, поистине, в каждой женщине живет ведьма. Только в ком-то это проявляется в большей степени, в ком-то – меньшей. В большинстве все-таки – в меньшей. А может быть, они сами еще не открыли в себе того, что заложено в них от природы, но до поры до времени тихо дремлет», – пронеслось в голове Боброва.

В слух же он произнес:

– Дорогие коллеги, разрешите вам представить нашу новую сотрудницу, Агату... э-э-э, – в этот момент Бобров осознал, что даже не знает ее полного имени – ни отчества, ни фамилии, не говоря уже о другом. Интересная ситуация...

Но тут Она пришла ему на помощь и вполголоса прошептала, стоя у него за плечом:

– Павловну Тишинскую.

– Агату Павловну Тишинскую, – тут же продолжил Бобров. – С этого дня она приступает к работе в должности офис-менеджера нашей компании. Прошу любить и жаловать.

И уже обращаясь к Марине, добавил:

– Мариночка, надеюсь, Вы поможете нашему новому сотруднику освоиться с работой, расскажете обо всех наших правилах, в общем, введете в курс дела.

– Да-да, конечно, Сергей Иванович! – с готовностью отозвалась секретарь Марина. – Будьте спокойны, все расскажу и покажу.

– Ну, вот и славно. – И уже обращаясь ко всем сотрудникам вместе взятым:

– Это все, что я хотел вам сегодня сообщить. Всем спасибо за внимание. Прошу возвращаться на свои рабочие места и продолжать работу.

Все дружно разошлись по своим комнатам, и прерванная в начале дня работа снова закипела, как в улье, где каждая пчела усиленно трудится на благо общего дела. Так было заведено и у них. Никакого разгильдяйства, стократных перекуров и чаепитий с утра до вечера. Все строго по-деловому, как и положено быть в серьезной компании, в которой сотрудники чтят и уважают распоряжки, установленные авторитетным руководителем. А Бобров Сергей Ивано-

вич был, действительно, авторитетом для своих подчиненных, не на словах, а исключительно делами подкрепляя свое лидерство в этом коллективе.

* * *

Прошел месяц. Агата прекрасно освоилась со своими должностными обязанностями и полностью вписалась в коллектив. Никаких претензий и нареканий в ее адрес ни от кого не поступало. Наоборот, с каждым днем ее профессиональное реноме повышалось – сотрудники ценили ее острый и цепкий ум, ответственное отношение к работе, а также умение наладить отношения и найти общий язык, практически, с любым, с кем ей приходилось общаться. Никто и никогда не слышал от нее грубого слова или просто повышенного тона. Она всегда говорила тихо, мягким грудным голосом, словно мурлыкая. Однако в тех случаях, когда надо было проявить характер и настоять на своем, она это прекрасно умела делать, все так же не выходя из себя и полностью контролируя ситуацию. При этом голос звучал так же тихо, но в нем уже слышалось не мурлыканье, а грозные и предупреждающие шипящие нотки, как у кошки, когда она собирается выпустить коготки, чтобы постоять за себя. Так же вела себя и Агата. Даже ее прекрасные и в спокойном состоянии такие безмятежные глаза в эти моменты словно вспыхивали изнутри, и этот огонь завораживал, заставлял остановиться и отступить. Никто ни разу не видел ее в состоянии гнева, но если бы такое произошло, это зрелище, несомненно, произвело бы сильное впечатление, и тогда уж обидчику было бы несдобровать.

Очередная рабочая неделя подходила к концу, была вторая половина дня пятницы, и мысленно все готовились к выходным: кто-то договаривался поехать на рыбалку, кто-то хотел пойти в лес на шашлыки и приглашал составить компанию, а кто-то планировал ударный физический труд на дачных грядках. В 16 часов по корпоративной почте все сотрудники фирмы получили сообщение, в котором говорилось, что у новой сотрудницы сегодня День Рождения, и она приглашает отпраздновать его после работы в переговорной. Бобров, разумеется, так же, как и все остальные, получил это приглашение и задумался:

– Странно, – подумал он, – как мало все-таки я о ней знаю... Практически ничего, хотя она и работает здесь уже месяц. Но, может быть, сегодня, так сказать – в неофициальной обстановке, приоткроется хотя бы чуть-чуть завеса, делающая ее такой таинственной и непонятной, – продолжал рассуждать про себя Бобров, одновременно прикидывая, что бы такое подарить имениннице, о которой совершенно ничего не известно – ни ее вкусов, ни интересов.

«Цветы!» – решил Бобров и набрал номер телефона одной известной ему цветочной компании, к услугам которой он периодически обращался, и всегда его заказы исполнялись исключительно творчески и искусно, выручая в самых, казалось бы, сложных ситуациях. Ну, как раз, как сегодня.

– Алло, Борис Макарович? Да, узнали, это Бобров Вас беспокоит! Жаль, не быть мне богатым, – шутя, продолжал Бобров, более для поддержания беседы, нежели на самом деле веря в подобные приметы. – Нет-нет, я про Вас не забывал, просто случая как-то не было в последнее время к Вам обратиться. Вы же знаете, я всегда ценю Ваше искусство и считаю, что Вы поистине кудесник по части составления необыкновенных букетов, – добавил он, желая потешить самолюбие этого приятного старика. – Зато вот сейчас как раз такой случай представился, и я сразу к Вам, Борис Макарович! Да, нужен красивый букет... Да, для дамы. Какого возраста? Хм-м-м, – Бобров задумался, опять отметив для себя, что даже этого он точно не знает. – Ну, я думаю, что-то около 25–27 лет, – сказал он в трубку после небольшой паузы. – Со значением ли должен быть букет? Ну, пожалуй, что и нет, – неуверенно протянул он, почему-то смутившись от последнего вопроса цветочника. – Просто красивый букет... из каких-нибудь необычных цветов! – вдруг неожиданно для себя самого добавил он в последний момент. – Да-да, Борис Макарович, – уже уверенно продолжил Бобров, вдруг осознав, какой букет он хотел

бы преподнести сегодня Агате, – это должны быть какие-то редкие, оригинальные цветы, которые трудно у нас встретить! И сам букет должен быть составлен таким образом... – здесь он опять запнулся, не зная, как наиболее точно выразить и передать свою мысль. – Ну, в общем, я надеюсь, Вы меня понимаете, Борис Макарович. Одним словом, это должен быть нестандартный букет, такой, какого никогда и ни для кого не составляли! А в остальном я полностью полагаюсь на Ваш вкус, т. к. вполне ему доверяю. Пожалуйста, пришлите его ровно к 18 ч. в мой офис. Большое спасибо! – наконец завершил беседу Бобров и с облегчением повесил трубку.

Еще несколько минут он просидел неподвижно, погрузившись в свои размышления, а затем резко встал, будто встряхнувшись от странного и несвойственного его деятельному характеру оцепенения, покрутил головой, словно отгоняя навязчивые мысли, и бодрым шагом прошелся по своему кабинету. Мысли, которые он гнал, не хотели покидать его головы, а наоборот, словно сопротивляясь его воле, еще настойчивее закрутились и стали похожи на досаждающих и неутомимых ос, делающих тщетными все попытки отогнать их от облюбованного ими сладкого блюда. Чем сильнее их гонишь, тем с большей активностью и энтузиазмом они возвращаются, привлекая жужжанием еще больше своих собратьев. Наконец, когда это становится совсем невыносимым, тебе остается только сгоряча плюнуть и ретироваться самому. В точности так это сейчас и произошло – Бобров раздосадованно стукнул кулаком по письменному столу, рядом с которым проходил в этот момент, и нажал кнопку селектора:

– Мариночка, организуй крепкий кофе, пожалуйста! И не забудь к нему чего-нибудь сладенького.

– Конечно, Сергей Иванович, сейчас все принесу, – весело отозвалась Марина и через две минуты вкатила в кабинет шефа сервировочный столик с ароматно пахнущим, дымящимся кофе и несколькими вазочками: с сахаром, конфетами и печеньем.

О том, что начальник сладкоежка, знали буквально все в его фирме, и вопрос с подарками на разные праздники всегда решался без труда и вполне однозначно – хорошая коробка конфет доставляла шефу истинное удовольствие, сладостям он всегда радовался, как ребенок. Секретарь же, зная о такой слабости руководителя, всегда в начале недели закупала в кондитерском магазине разные вкусности, чтобы было чем его побаловать в загруженные рабочие будни, когда пятиминутный перерыв на чай или кофе был приятным отдыхом, во время которого можно получить положительные эмоции. Бобров умел ценить такую заботу и никогда не забывал благодарить за нее, причем делал это всегда искренне, от души. Впрочем, так же как и Марина делала это не только по долгу службы, но и из личной симпатии к своему руководителю, желая его порадовать. Вот и сейчас, зная, что наступает то время, в которое обычно шеф просит принести ему чай или кофе, она заранее заварила свежего листового чая и в кофеварке сварила его любимый кофе.

Глава IV. День Рождения

Ровно в 18.00 в дверь кабинета Боброва постучали, и молоденький мальчик-курьер доставил букет из цветочного бутика Бориса Макаровича.

Да, опытный мастер по составлению букетов не обманул ожиданий Боброва и на этот раз... Это был не просто – букет, а всем букетам букет! Даже не букет, а настоящий Букетище – с большой буквы! Помимо того, что он имел внушительные размеры (и при этом не выглядел слишком вычурным или чересчур помпезным – наоборот, сразу бросалось в глаза, что он вышел из-под руки опытного флориста, и был предельно элегантен), весь букет состоял из таких удивительных, невероятных чудо-цветов, которых Бобров не только не знал по названиям, но даже никогда и не видел прежде. Вот уж, воистину, насколько богата и непредсказуема матушка-природа, если способна создавать такие творения!

К букету была приколота записка, в которой перечислялись названия всех этих экзотических растений: орхидея, стрелиция, левкой, протей, фрезия, эustoma, аспарагус, вероника, трифурн, амариллис, корилос, молюцелла, гинистра, плюмозус, трахелиум, солидага, шамрок, гиперикум, рускус, листья аспидистры, альстромерия, антуриум, берграс.

Из всего списка Бобров знал только орхидею, ну и, пожалуй, приходилось слышать про левкой...

Расплатившись по счету, в котором была обозначена не менее внушительная сумма, Бобров отпустил курьера и вышел из своего кабинета, прихватив букет.

В переговорной уже собрался весь офисный народ, все толпились вокруг накрытого праздничного стола, во главе которого стояла сама именинница в сногшибательном вечернем платье, с вечерней прической и соответствующим макияжем.

«И когда только все это успела сделать?», – недоуменно подумал Бобров, сосканировав ее взглядом с головы до изящных вечерних туфелек.

Оказалось, что ждали только его, и как только он присоединился к компании, праздничный вечер был торжественно открыт. Ему, как руководителю, было предоставлено первое слово, чтобы произнести поздравительную речь. С речью Бобров не стал особенно мудрить, т. к. адекватно расценивал тот факт, что ораторским искусством, к сожалению, не обладает, поэтому обошелся набором стандартных слов для поздравлений – счастья, мол, здоровья, успехов в личной жизни и карьере. На этих словах ему показалось, что по лицу Агаты скользнула едва уловимая улыбка. Или ему это только померещилось? Когда с речью было покончено, пришло время вручать букет...

«Интересно, как она отреагирует, и что отразится на ее лице?» – промелькнуло в голове у Боброва, когда он доставал из-за спины спрятанный там «для сюрприза» чудо-букет. Но Агата никак не выразила своего удивления, когда увидела этот шедевр флористики, а только вежливо улыбнулась и поблагодарила за подарок. Бобров почувствовал некоторое разочарование – все-таки так старался, а она приняла его как обычный букет из роз или каких-нибудь банальных ромашек. Могла бы хоть поахать там, поудивляться... Можно подумать, что ей каждый день преподносят такие!

Она, словно почувствовав его разочарование, посмотрела ему прямо в глаза и опять ухмыльнулась. Именно ухмыльнулась, а не просто улыбнулась, потому что в том, как она сложила свои губы, Бобров прочитал самодовольство, превосходство и даже некоторое снисхождение... Или у него уже начинается паранойя? Чтобы не срулить с катушек, как говорили у них в детстве, Бобров тряхнул головой и потянулся за бутылкой шампанского, которая громко пальнула у него в руках (хотя раньше он всегда безупречно открывал любые бутылки со спиртным), обдав всех присутствующих за столом фонтаном бурлящего напитка. И как только влияет на него эта женщина! И опять эта улыбка легкой тенью мелькнула на ее лице!

Бобров понял, что сегодня – явно не его день, а потому не стоит задерживаться на фуршетте, дабы еще больше не растравить свою душу. Пригубив для приличия бокал с шампанским и взяв с блюда тарталетку с черной икрой, он со всеми распрощался, пожелал от души повеселиться и, сославшись на неотложные дела и извинившись перед именинницей, удалился.

Вернувшись в свой кабинет, он закрыл за собой дверь, несколько раз прошелся от стены к стене, заложив за спину руки и время от времени встряхивая головой, словно отгоняя надоевшие мысли. И, так и не сумев обрести душевного равновесия, а, наоборот, еще больше разозлившись – то ли на нее, то ли на себя самого, плюхнулся в одно из кресел. Но не в то, в котором обычно сидел за своим столом, а одно из тех, что стояли у окна кабинета, то самое, на которое забралась с ногами Агата в момент их первой встречи. Сел, прикрыл глаза и как будто отключился, выпал из реального времени, погрузившись в какие-то грезы...

Из оцепенения его вывел какой-то странный, но уже знакомый звук – в дверь опять как будто скреблись, как тогда, в тот самый грозовой день. Бобров замешкался с ответом – не мог решить, стоит ли подавать признаки своего присутствия в кабинете или сделать вид, что его уже нет в офисе. Потом вспомнил, что, заходя в кабинет, не закрыл дверь на замок, а только прикрыл ее, и громко сказал: «Войдите!»

Дверь, тихонько скрипнув, приоткрылась узенькой щелочкой, и в нее не вошла, а проскользнула легкой тенью хрупкая фигурка. Не смотря на полумрак, царивший в кабинете (вернувшись с банкета, Бобров не стал зажигать свет), он не сомневался на тот счет, кто бы это мог быть. Напротив, он это почувствовал сразу, как только услышал царапанье по ту сторону двери – уж больно своеобразный и странный способ был у этой визитерши испрашивать позволения войти. Услышав такой звук, можно было решить, что в дверь скребется кошка, но в его офисе кошек – ни диких, ни домашних – быть не могло.

Агата – а это была именно она – мгновенно сориентировавшись в темноте (хотя только что вошла из освещенного помещения, и, по идее, ее глаза не могли так быстро адаптироваться к изменившемуся освещению, а вернее – полному его отсутствию), сделала несколько быстрых

и бесшумных шагов, «Как кошка ступает на подушечках своих лап», – промелькнула у него в голове странная мысль, и остановилась прямо перед Бобровым.

Он ничего не произнес, кроме позволения войти, и просто продолжал молча смотреть на нее, только сердце гулко запульсировало где-то в области барабанных перепонок. В какой-то момент он даже испугался, что она и сейчас каким-то мистическим образом чутко уловит это внезапно нахлынувшее на него волнение и опять, в очередной раз за сегодняшний вечер посмеется над ним. Он уже представил эту ее особенную улыбку и почувствовал, как внутри него начинает подниматься какое-то неведомое ранее сопротивление. Но темнота, в которой они до сих пор находились, не позволяла что-либо рассмотреть на ее лице – в отличие от нее он не умел видеть без света.

И вдруг произошло совсем уж невероятное: Агата так же бесшумно приблизилась почти вплотную, наклонилась и поцеловала Боброва в губы. От неожиданности он несколько отпрянул назад, к спинке кресла. Она же, нисколько не смутившись его реакции, села к нему лицом на его колени – так, что ее ступни оказались развернутыми назад, а коленки упирались в спинку кресла, и еще раз поцеловала, обхватив голову руками и запустив свои пальцы с острыми ноготками в его шевелюру. Бобров вышел из ступора и, уже плохо себя контролируя, крепко стиснул ее за хрупкую талию и притянул к себе еще ближе, впиваясь своим ртом в ее жаркие губы. Две-три секунды длился этот безумный поцелуй (которого, безусловно, он не должен был себе позволять, но кто способен сохранить трезвый рассудок в подобные минуты?!), после чего он почувствовал, как чем-то острым обожгло его щеку, и в то же мгновение Агата с силой оттолкнула его от себя, соскочила с кресла на пол, и следующее, что он уловил – это был громкий стук открывшейся и с шумом захлопнувшейся двери.

Не успев ничего понять из того, ЧТО сейчас с ним произошло за эти несколько минут, но, по-прежнему, ощущая как будто ожег на своей щеке, Бобров подошел к висевшему на стене зеркалу, нажал на кнопку стоящего рядом светильника и обнаружил, что вся его щека располосована от виска до середины скулы.

«Вот это да...», – сказал вслух Бобров. «Хорошенькое продолжение вечера... Хотя, что уж теперь пенять – сам виноват, так тебе и надо!», – вынес он себе приговор и сокрушенно покачал головой. «Как такое могло с ним произойти? Как он позволил этой ненормальной девчонке втянуть себя в эти дурацкие игры?! И ведь поддался же, повелся, как последний идиот!» – продолжал распекать себя Бобров, но уже мысленно. Выдвинув средний ящик письменного стола, он достал одеколон Armani, плеснул на ладонь и провел ею по расцарапанной в кровь щеке. От чего следы от ногтей распухли и превратились в три ярко выделяющихся на бледной коже шрама.

«Да... Красота, хорош – нечего сказать, вот так теперь и будешь ходить с расцарапанной мордой людям на смех!» – не унимался Бобров досадовать на свою оплошность. «Взрослый мужик, а развели, как мальчишку! И как теперь он посмотрит в глаза своим сотрудникам? Они, конечно, все – люди деликатные и никаких вопросов задавать не станут, но как он сам будет себя чувствовать? А главное – как он завтра будет выглядеть, когда встретится в офисе с Ней???»

Глава V. Поездка в пансионат

– Доброе утро, Сергей Иванович! Марина сегодня приболела, Вам чай подать или кофе? – самый невинный взгляд был довершением невиннейшего же вопроса.

Однако от этих слов, даже от одного только звука этого голоса его бросило в дрожь, а потом в жар – все лицо пошло бордовыми пятнами, на лбу выступила испарина. Она же, как ни в чем не бывало, продолжала стоять в дверях его кабинета и с самым спокойным, невозмутимым видом смотреть ему в глаза.

«Не женщина, а настоящая чертовка какая-то, одним словом – оборотень, будь она неладна!» – с раздражением подумал Бобров, отворачиваясь от открытой двери и пряча расцарапанную щеку (чтоб не злорадствовала!)

– Не надо, я не хочу, – не вполне вежливо буркнул Бобров через плечо. – Сыт Вашими угощениями по горло еще со вчерашнего вечера!

«Ну, об этом упоминать – было совсем лишнее», – тут же укорил себя Бобров за то, что не сдержался.

Дверь тихо закрылась за его спиной.

«Ну и самообладание!» – позавидовал Бобров. «Другая бы сквозь землю провалилась на ее месте, пришла бы с извинениями, вымаливала бы прощение, а этой – хоть бы что! Натворила дел и ходит – хвост трубой! Другая бы...» – опять было начал про себя Бобров, но тут же осекся, понимая, что другая бы на ее месте просто не оказалась. Не оказалась – и все!

Марина после того злосчастного дня рождения приболела целый месяц, и весь этот месяц Агата, взявшая на время ее болезни обязанности секретаря на себя, ежедневно – каждое утро, а потом еще два раза – днем и вечером, заходила в кабинет Боброва и самым обыденным тоном интересовалась, не принести ли ему чай или кофе. Бобров каждый день из принципа отказывался, а потом сам шел втихаря на кухню и заваривал себе чай из пакетиков. На следующий день повторялось все то же самое, и так целый месяц.

Кроме этих ежедневных обменов репликами:

– Сергей Иванович, Вам принести кофе или чай?

– Нет, спасибо, не надо.

Теперь он стал прибавлять к своему отказу формально-вежливое «спасибо». Кроме этих ничего не значащих ритуальных фраз, других разговоров между ними не было. О том, что произошло в тот вечер в кабинете Боброва, они не обмолвились ни словом.

* * *

Лето было в самом разгаре, стояли самые жаркие дни, какие обычно бывают в конце июля, мысли плавилась, тело изнывало от городского зноя и требовало свежего воздуха, воды, прохлады. Да где ж только этого взять, когда вокруг плавится асфальт, а в московском воздухе повисло марево из мельчайшей пыли, перемешанной с частицами гари и других «прелестей» городских улиц? И ни одного глотка кислорода!

Наверное, не только Боброва тяготили подобные безрадостные мысли, поскольку, как будто в ответ на его грустные размышления, один из сотрудников его офиса бросил по электронной почте клич о том, что хорошо бы в конце рабочей недели собраться всем вместе и махнуть куда-нибудь за город, на природу...

«А и, правда, хорошо!» – приободрившись, подумал Бобров, – «Там тебе и лесная прохлада, и свежий воздух – ни чета московскому, и искупнуться можно... Благодать!»

На том и порешили. Кто-то тут же вызвался забронировать места в подмосковном пансионате на все выходные, кто-то составлял списки продуктов: шашлыки, Хванчкара, Киндз-

мараули и т. д. и т. п. Всем приглянулась идея по душе, и все с энтузиазмом занялись подготовкой планируемой поездки.

Вечер пятницы. В офисе царит небывалое воодушевление и суэта – в спешном порядке заканчиваются последние приготовления. Наконец, Сергей Иванович Бобров вышел из своего кабинета и бодро скомандовал: «Рабочий день окончен, все по машинам!»

Сотрудники как будто только и ждали этой последней отмашки – все дружно похватили приготовленные сумки с вещами и пакеты с едой, вышли на улицу и стали рассаживаться по машинам. Было весело и суматошно.

* * *

Добрались до пансионата, когда солнце еще не село, его вечерние лучи романтично подкрашивали в багряный цвет кроны вековых корабельных сосен – пансионат находился в сосновом бору. Оформление не заняло много времени, т. к. номера были забронированы заранее. Бобров взял ключ от своего люкса, подхватил дорожную сумку, махнул коллегам – мол, еще увидимся – и пошел в сторону лифта. Зайдя в его кабину, он уже было собрался нажать на кнопку третьего этажа, как закрывающиеся двери с металлическим скрежетом разъехались в стороны – в проеме двери появилась черная туфелька на высокой шпильке. Бобров поднял глаза. В дверях лифта стояла она – Агата. Бобров машинально посторонился, пропуская даму. Она, не торопясь, плавно вплыла в лифт и очаровательно улыбнулась:

– Вам на какой этаж?

– Мой номер на третьем.

– Да? Надо же, и мой тоже...

Выходя из лифта на третьем этаже и пропустив впереди себя Агату, Бобров почему-то ни на йоту не сомневался, что ее номер окажется по-соседству с его. Так оно и вышло. Агата, даже не оглянувшись на него, вошла в 34, у Боброва в руке был ключ, на бирке которого значилась цифра «36».

«Забавное совпадение...» – подумал про себя Бобров. – «И совпадение ли?»

Номер оказался очень комфортабельным. Все в нем было продумано до мелочей, при этом – ничего лишнего. После того, как Бобров разобрал свою сумку с нехитрым багажом (приехали-то на выходные) и разложил вещи в шкафу, он быстро переоделся, сменив офисный костюм на более неформальный – из светлого льна, и спустился к ужину в ресторан, который располагался в холле отеля. Почти все его коллеги были уже там. Все, кроме нее.

Найдя свой столик по номеру, который ему вручили при регистрации, он уже без удивления сразу отметил про себя, что одно место за столом – именно напротив него – оказалось не занято.

– Ну конечно! Кто бы сомневался... – хмыкнул себе под нос Бобров.

– Что Вы сказали, Сергей Иванович? – тут же откликнулся на его невнятную реплику Макс Романов – системный администратор его компании.

– Нет, Максим, ничего. Это я так – про себя. – Бобров весело похлопал парня по плечу и принялся за еду.

Не прошло и нескольких минут, как в дверях ресторана появилась Агата... Боброву достаточно было бросить в ее сторону один короткий взгляд, чтобы оценить, насколько хороша она была в черном вечернем платье на тоненьких бретелях. Не глядя ни на кого, Агата прошла через весь зал и заняла место напротив него.

«Интересно, и как ей только все это удастся? Одним словом, ведьма – она ведьма и есть!» – благоразумно уже не стал озвучивать свои мысли вслух Бобров, дабы не шокировать и так поглядывающих на него с опасением Макса и Эдуарда Петровича – заведующего отделом снабжения, который также сидел за его столом.

– Всем добрый вечер и приятного аппетита, – Агата ослепительно улыбнулась, обнажив при этом два ряда маленьких ровных зубов.

– И Вам тоже! – почти хором ответили все трое мужчин.

На протяжении всего ужина Агата весело болтала с Максом и Эдуардом Петровичем на разные отвлеченные темы. Бобров в общем разговоре участия не принимал, хотя и понимал, что это выглядит не совсем вежливо. Просто он не мог побороть в себе то чувство, которое волной поднималось в его груди, стоило ему только посмотреть на эту женщину, а из-за этого и слова как-то не шли на язык, да и кусок в горло не лез. Промаявшись за столом до десерта, Бобров раскланялся, сославшись на нелюбовь к сладкому (первое, что пришло в голову) и ретировался из-за стола. Макс с Эдуардом Петровичем недоуменно переглянулись, т. к. за шефом прочно была закреплена репутация сластены, и все об этом знали. Агата же, как всегда, только загадочно и как-то даже самодовольно улыбнулась.

«Она меня читает, как открытую книгу», – обдав ледяной волной ужаса, пронеслась в голове Боброва паническая мысль. – «А вот она для меня – тайна за семью печатями...»

Выйдя из-за стола, Бобров на негнущихся ногах пересек зал и вышел из ресторана. Поднялся к себе в номер.

Остаток вечера он провел у телевизора (стоило ли в этом случае покидать Москву и свое холостяцкое жилище, в котором он почти каждый вечер проводил перед телевизором, блуждая по разным каналам или смотря фильм по DVD?) Рано лег спать. Надо сказать, что в его люксе помимо кожаного диванчика в гостиной стояла широченная двуспальная кровать в спальне – на нее-то как раз и улегся Бобров ровно посередине, укрывшись мягчайшим невесомым одеялом.

«Интересно, а в Ее соседнем номере – такая же широкая кровать?» – последняя мысль, которую еще уловил Бобров в своем погружающемся в сон сознании, прежде чем окончательно отключился, выпав из реальности.

Ничего удивительного, что всю ночь он видел во сне ее – Агату. Это был необычайно тяжелый, очень эмоционально насыщенный сон, причем эмоции эти были гнетущие, подавляющие, терзающие и без того уже истерзанную душу Боброва. Так что проснулся он с утра не выспавшимся, а наоборот, морально раздавленным, угнетенным. Когда же старался припомнить, что именно ему снилось, в голову не приходило ничего конкретного. Так, белиберда какая-то: Агата постоянно перевоплощалась из одного образа в другой, причем образы эти были не человеческие – из блондинки в брюнетку, например, или наоборот, а какие-то странные, дикие, животные... То кошкой представляла она перед изумленным взглядом Боброва, то рысью, то пантерой. Но, тем не менее, он всякий раз осознавал совершенно четко – это была именно она, Агата. Ему же в этом сне была отведена незавидная роль жертвы, на которую охотилась хищница, то придавливая его (в образе мышонка, кролика или куропатки) своими цепкими когтями к земле и почти придушив острыми зубами за незащитную холку, то, желая позабавиться подольше, ослабляя свою звериную хватку и выпуская ненадолго на свободу. Потом все повторялось снова и снова, только в другом образе, новом воплощении. И так до утра, пока Бобров не проснулся вконец измученным и избитым.

Полежав в постели несколько минут, Бобров откинул одеяло и поднялся с кровати, всунув ноги в мягкие махровые тапочки и накинув на плечи такой же пушистый махровый халат – одна из приятных привилегий постояльцев люксового номера. Зашел в душевую кабину, которая вместе с традиционной ванной была установлена в туалетной комнате, включил прохладный, освежающий душ, чтобы взбодриться после нелегкой ночи. Упругие струи воды ударили сначала в лицо, затем Бобров повернулся спиной, подставляя под них свои тренированные накачанные плечи. Ах, как нравились женщинам его плечи! Далеко не один раз Бобров ловил заинтересованные взгляды молоденьких девушек и мечтательные – дам более зрелого возраста, которые украдкой, а порой и беззастенчиво откровенно разглядывали его стройную, спортивную фигуру, каждый раз задерживая свой взгляд на его плечах.

«Как хорошо было бы ощутить сейчас на своем теле Ее руки, которые бы нежно гладили его торс, лаская и слегка поцарапывая его...» – мечтательно подумалось Боброву. В этот момент ему почему-то представилось, что в любви Агата должна быть очень нежной, однако в любую минуту способна выпустить свои коготки или острые зубки, оставив на теле характерные отметины.

Спускаясь к завтраку, Бобров одновременно и ждал встречи с Агатой, и в то же время слегка побаивался ее – а вдруг он опять впадет в ступор, как произошло накануне вечером во время совместного ужина? Но его опасения оказались напрасны – Агата попросту не появилась к завтраку. Бобров был немного разочарован. Не увидел он ее и днем, когда вся компания собралась на берегу озера, затеяв разные развлечения: кто-то из сотрудников играл на песке

в пляжный волейбол, кто-то ловил рыбу, кто-то просто загорал, нежась в мягких шезлонгах с книжкой в руках.

Когда же Агата не вышла и к обеду, Бобров не на шутку забеспокоился: «Может, случилось что? Не может же человек обходиться без еды... Ну, ладно, допустим, проспала завтрак, но уж к обеду-то должна была бы проснуться...» – с этими тяжелыми мыслями он поднимался из ресторана к себе в номер.

«Постучать в дверь ее номера и узнать о самочувствии?» – размышлял он, идя от лифта по коридору. «А если она скажет, что с ней все в порядке? Тогда в очередной раз буду выглядеть идиотом!» Все же он подошел к ее двери и прислушался. Тишина, ни звука... Поднял руку, но потом так и не решился постучать. Постояв еще с минуту под дверью, Бобров развернулся и, ссутулившись, побрел в свой номер.

С полчаса он ходил, как тигр по клетке, из угла в угол, меряя шагами пространство гостиной. Потом, сжав кулаки, решительно направился... на балкон. Перевесившись через деревянные перила, он, взрослый человек, серьезный бизнесмен, который привык подчинять все свои действия, каждый шаг, каждый поступок анализу трезвого рассудка с точки зрения здравого смысла, в этот момент, как потерявший голову влюбленный мальчишка, свешивался со своего балкона и заглядывал в балконную дверь чужого номера... Но номер оказался пуст! Агаты в нем не было...

Потоптавшись на балконе, мельком бросил взгляд вниз. И на минуту застыл в удивлении: на всем видимом пространстве под балконом, то здесь, то там виднелись кошки, их было такое огромное количество – разномастных и разношерстных, которое превышало все разумные пределы! Кошки сидели под кустами и на деревьях, лежали, свернувшись калачиком, гонялись друг за другом, и казалось, что им ни до чего окружающего нет дела.

Бобров в задумчивости потер лоб, пожал плечами и хмыкнул себе под нос: «И чего они здесь собрались??? Не мудрено, что всю ночь такая фигня снилась! Орали, небось, вот и привиделось, черт знает что...»

Вернувшись, не солоно хлебавши, к себе в номер, Бобров с раздражением плюхнулся на кожаный диван в гостиной, взял в руки стопку свежих газет, заботливо разложенных на журнальном столике. Несколько минут полистал, рассеянно блуждая взглядом то по одной полосе, то по другой, но так и не сумел сконцентрировать свое внимание на чтении – отбросил газеты в сторону.

«Если сидеть здесь одному, так недолго и умом тронуться», – посетила его далеко не самая веселая мысль. «Надо пойти хоть с народом пообщаться, может, и отвлекусь, а то совсем заиклился на одном и том же!» – решил Бобров, выходя из номера.

Спустившись вниз, он обнаружил почти всю компанию, собравшуюся в холле отеля с разными сумками и пакетами в руках.

– А вот и Сергей Иванович! – весело приветствовал его Макс, жестом приглашая присоединиться ко всем.

– Я что-то пропустил? – удивленно развел руками Бобров. – Куда это вы собрались?

– Ну, как же, мы же договаривались о пикнике! Разве Вы забыли?

– Ах, да, пикник... Прошу прощения, но как-то совсем вылетело из головы.

– Ну вот, теперь все в сборе, можно отправляться в лес! – бодро скомандовал Эдуард Петрович, подхватывая с пола корзинку, битком набитую всякой снедью.

Все с шумом стали выдвигаться на улицу.

Расположились в сосновом бору, на самом берегу озера. Сначала пили обалденно вкусную Хванчкару и Киндз-мараули с легкими закусками, а ближе к вечеру, когда солнце стало потихоньку закатываться за сосновые кроны, разложили костер и принялись готовить шашлыки. Невероятный аромат жареного на углях свежего мяса быстро распространился по всему побережью, наполнив собой сгустившийся предзакатный воздух.

И в этот момент Бобров увидел Ее. Агата медленно брела по берегу озера, направляясь в сторону потрескивавшего костра, золотые, рыжие и багряные искры которого взметались высоко в небо. Неспешно подойдя к компании коллег, Агата поздоровалась в обычной своей манере, обращаясь как бы сразу ко всем присутствующим:

– Всем добрый вечер!

И потом, втянув тонкими ноздрями воздух и довольно сожмурившись, промурлыкала как бы про себя:

– Ах, как чудесно пахнет...

Бобров во все глаза смотрел на нее, не в силах отвести их от ее загорелых плеч, тонкой длинной шеи, золотистую смуглость которой подчеркивала, надетая на ней, зеленого цвета, в тон глазам, бархотка – ее Агата никогда не снимала; немного острых коленей. Все это открывалось его настойчивому взгляду и тревожило, волновало его воображение благодаря легкому летнему сарафану, в котором была Агата этим теплым августовским вечером.

Шашлыки удались на славу! Такого вкусного жареного мяса Боброву, привыкшему ужинать в не самых плохих столичных ресторанах, уже давно не приходилось есть. Пожалуй, со времен студенческой юности, когда он в компании верных однокашников колесил с рюкзаком за плечами по живописным туристическим маршрутам Крыма и Северного Кавказа... Ах, что это были за годы!..

Еще большая ностальгия по беззаботному юношескому времени навалилась на Боброва, когда Эдуард Петрович взял в руки гитару, мелодичным перебором прошелся по струнам и бередящим самое сердце голосом запел один из старинных, и так любимых Бобровым, романсов:

Очи черные, очи страстные!
Очи жгучие и прекрасные!
Как люблю я вас! Как боюсь я вас!
Знать, увидел вас я в недобрый час!

Ох, недаром вы глубины темней!
Вижу траур в вас по душе моей,
Вижу пламя в вас я победное:
Сожжено на нем сердце бедное.

Но не грустен я, не печален я,
Утешительна мне судьба моя:
Все, что лучшего в жизни бог дал нам,
В жертву отдал я огненным глазам!

Сначала он слушал романс, прикрыв глаза и наслаждаясь бархатным голосом Эдуарда Петровича, но когда прозвучали его последние строчки, как будто кто-то острыми когтями провел по сердцу Боброва. «Это же романс о ней, об Агате!» – обожгла его сознание внезапная мысль.

Пусть у нее вовсе и не черные глаза, а изумрудно-зеленые – сути дела это не меняет... В этом романсе, как нельзя более точно, передана магия и колдовское воздействие на него «огневых глаз» Агаты!

И действительно, он, сам Бобров, сейчас находится в таком состоянии, потеряв голову от любви к Агате, что нет в его жизни ни одной вещи, которую он не бросил бы к ее ногам или, как поется в романсе, не принес бы в жертву ее огненным глазам...

А принимая во внимание обстоятельства, при которых он впервые увидел эти глаза (дьявольской силы грозовой ливень со сверкающими молниями и громовыми раскатами вызвал тогда не самые приятные ощущения в душе Боброва – он сразу же припомнил, как его кожа покрылась тогда отвратительной холодной и липкой испариной) можно сказать, что и слова романа про «недобрый час» также полностью сбывались.

Ну, а уж «пламя победное», на котором уже дотла «сожжено его сердце бедное» он имел возможность наблюдать в глазах Агаты далеко не один раз!

В этот момент Бобров посмотрел на Агату и понял, что не один он провел аналогию между старинным романсом и их отношениями.

«Если это только можно назвать – отношениями», – горько усмехнулся про себя Бобров.

Агата смотрела на него прямо в упор и, как в очередной раз показалось Боброву, снова сканировала его мысли. Взгляд ее был долгим и каким-то задумчивым. На этот раз она даже не улыбалась своей самодовольной и снисходительной улыбкой, которую он часто ловил на ее лице исключительно в его, Боброва, адрес. Сейчас же ее глаза как будто даже потемнели и были не изумрудного оттенка, как обычно, а глубокого темно-зеленого цвета. «Вот уж, действительно, омуты!» – подумалось Боброву.

Когда с шашлыками было покончено, и распита последняя бутылка припасенного красного вина, все стали нехотя расходиться по своим номерам, поскольку время было поздним, и многих уже клонило ко сну.

Бобров не стал исключением и тоже, бросив последний взгляд на догорающие угли костра, пошел к себе. Агата самая последняя задержалась у костра.

И как только все разошлись, на поляне у пепелища стали собираться коты и кошки... Их тени выползали из-за кустов, прыгивали с ветвей деревьев, бесшумно скользили меж травы, заполняя собой все пространство вокруг. Вскоре вся поляна снова ожила, но наполнилась совершенно иными звуками: теперь вместо смеха, песен и переливистых переборов гитары здесь звучало мурлыканье, мяуканье и кошачьи серенады.

Когда из-за тучи выплыла светлобокая луна и пролила свет в ночную темноту, поляна представляла собой довольно причудливое, почти мистическое, зрелище: все открытое пространство было словно оцеплено живым плотным кольцом, своеобразным кошачьим хоромом, в центре которого на догоревших углях бывшего костра стояла босая женская фигура с разметавшимися по спине, плечам и рукам длинными распущенными волосами. Это была Агата.

Она вращалась вокруг себя – причем сначала эти движения были медленными, едва заметными, но постепенно они ускорялись, обороты нарастали и набирали темп, пока не превратились почти в вихревое кружение. Голова ее была запрокинута вверх, в ночное небо, руки подняты высоко над головой, из горла вырывались протяжные, нечленораздельные, почти животные звуки. Это было похоже на какую-то шаманскую песню и со стороны смотрелось несколько жутковато, учитывая то, что глаза Агаты были закрыты, и вся она находилась как будто в трансе.

Поднявшись в номер, Бобров понял, что уснуть ему все равно не удастся: голова, как пчелиный улей, наполнилась роящимися в ней мыслями. И не было никакой возможности отвлечься, отмахнувшись от них...

Покружив в задумчивости по комнате, он подошел к встроенному в стенной шкаф бару и распахнул дверцу. Бросив беглый взгляд на его содержимое, Бобров сразу понял, что ему нужно. Его рука уже сама потянулась за элегантной бутылкой с круглыми боками и пробкой в виде всадника на резвом коне. Это был Blantons Gold Edition – старый американский виски золотисто-янтарного цвета. Бобров любил этот напиток и предпочитал его многим другим сортам виски за тонкий древесный аромат с нотками сухих фруктов, корицы и шоколада. Ему нравился его живой, благородный вкус, в котором чувствовалась слива и гвоздика. Послевку-

сие же оставалось долгое, с развивающимися нотками ванили, ореха и жженого дерева. Бобров всегда был гурманом в отношении спиртных напитков.

Подхватив с полки над баром квадратной формы стакан, он с тем и другим в руках прошел к кожаному дивану, поставил все на журнальный столик и сел, удобно закинув ногу на ногу. Так он просидел несколько минут, задумавшись и, практически, не шевелясь. Потом умело откупорил пузатую бутылку, налил виски в стакан и... залпом опрокинул его в горло. Горячий поток обжег гортань, спустился по пищеводу в желудок, попутно наполнив все тело приятной теплотой. Кровь в жилах запульсировала быстрее. За первым стаканом последовал второй, затем практически сразу – третий...

Надо сказать, что Бобров не был никогда запойным пьяницей и в компании друзей мог весь вечер просидеть с одним бокалом сухого красного вина в руках. Тем более он не был склонен к одиночным возлияниям. Однако именно сегодня вечером ему, как никогда раньше, захотелось напиться. Просто «принять на грудь» такое количество спиртного, которое поможет ему хоть на какое-то время забыться, отключить голову, провалиться в спасительный сон...

После четвертого или пятого «захода» (кто считает?) Бобров откинулся назад на мягких диванных подушках и прикрыл глаза. Только стал впадать в долгожданное забытие, как вдруг до его обострившегося в последнее время слуха (а надо заметить, что с недавних пор он вообще жил как бы настороже) донеслись странные звуки. Причем звуки эти слышались со стороны... приоткрытой балконной двери.

Распахнув резко глаза, Бобров отпрянул от неожиданности – прямо перед ним стояла Она, Агата! Бобров огляделся по сторонам, словно пытаясь обнаружить некие следы, которые бы свидетельствовали о том, каким именно образом ей удалось проникнуть в его ЗАКРЫТЫЙ ИЗНУТРИ номер... Следов не было. Только едва заметно колыхалась шелковая занавеска на балконной двери.

– Ты ждал меня? – нисколько не смутившись его реакции, спросила она, глядя на ошарашенного Боброва.

Бобров замешкался с ответом – безусловно, он втайне мечтал об этом, но чтобы вот так сидеть и ЖДАТЬ, что она ночью материализуется в его номере...

Агата, не обращая никакого внимания на его замешательство, подняла сразу обе руки и потянула за завязки на тонких бретелях своего сарафана, в котором она была вечером у костра. Сарафан, ничем более не поддерживаемый, соскользнул с плеч и упал к ее ногам...

У Боброва перехватило дыхание, и еще больше закипела кровь, и без того подогретая немалым количеством выпитого виски. Он почувствовал, что в эту минуту не в силах сдержать себя в руках. Возможно, потом он еще не один раз пожалеет о своем безумстве и будет тяжело раскаиваться, что вовремя не остановился, не сдержал своего порыва, поддался ее дьявольским чарам, но сейчас...

Сейчас все это не имело для него никакого значения. И хотя где-то в глубинах его подсознания сидела зловещая мысль и буквально свербила ему мозг, предвещая неминуемую и тяжкую расплату, ничто на свете не могло его остановить в эту минуту. Когда весь смысл его жизни сосредоточился на том, что он ДОЛЖЕН ОБЛАДАТЬ ЭТОЙ ЖЕНЩИНОЙ. И это желание проснулось в нем не внезапно, как можно было бы предположить, и вовсе не под влиянием алкоголя или представшей перед его взором обнаженной женской плоти. Отнюдь. Бобров прекрасно отдавал себе отчет в том, что ЖЕЛАНИЕ появилось в тот самый момент, когда он только впервые увидел Ее на пороге своего офиса. Когда он был абсолютно трезв, а она, соответственно, одета. И не зря он тогда испугался внезапно посетившей его мысли, что у него НИКОГДА НЕ БЫЛО ТАКОЙ ЖЕНЩИНЫ... Значит, желание обладания ею пришло еще тогда. И все это время оно только росло и зрело в его душе (хотя при чем тут душа?) С самой первой минуты ОН ХОТЕЛ ЕЕ! Хотел абсолютно животной страстью. И именно этот

порыв, которого он никогда раньше даже не предполагал в себе, его тогда испугал. Тогда, но не теперь...

Бобров протянул руку и с силой притянул Агату к себе. Она упала на его колени, и их губы слились в страстном, жадном поцелуе.

А потом... потом его сознание как будто отключилось, и он провалился в какое-то забытие. Единственное, что он ясно и отчетливо помнил, так это то, что в тот самый момент, когда он коснулся тела Агаты, за окном раздались протяжные кошачьи вопли, прогремел невероятной силы гром, и разразилась непонятно откуда взявшаяся мощнейшая гроза. Хотя безмятежный тихий вечер никак не предвещал такой внезапной перемены погоды. Небо буквально разверзлось, и из него хлынули такие потоки воды, которых, наверное, хватило бы, чтобы затопить и смыть с лица земли весь пансионат, если бы этот ливень шел долго.

Однако когда с утра Бобров проснулся у себя в постели и только слегка приоткрыл глаза, то ему тут же пришлось зажмуриться от яркого солнца, которое пробивалось сквозь тонкий тюль на окнах. Повернув голову на подушке, он тут же резко сел на кровати. Постель была пуста! В том смысле, что никого, кроме него самого, в ней не было...

Бобров вскочил на ноги, в три прыжка оказался у балконной двери и резко раздернул занавески. На улице стояла восхитительная ясная погода, и не было ни единого намека на прошедшую ночью грозу! Он пошарил глазами по кустам и деревьям – нигде не было видно ни одной кошки, точно они и не существовали здесь вовсе...

Бобров был в замешательстве: неужели ему все это только приснилось? И не было на самом деле ни ливня с громом и молниями, ни... Агаты...

Он заметался по номеру, исследуя все помещения: спальню, ванную комнату, гостиную, прихожую. Никого! И никаких следов чьего-либо присутствия в его номере этой ночью... Подскочил к кожаному дивану в гостиной – рядом с журнальным столиком, на полу, стояла пустая бутылка из-под виски, который он пил накануне вечером...

Выходит, ему все-все на самом деле только приснилось из-за того, что он надрался до беспамятства и отключился???

Голова предательски раскалывалась и не хотела соображать, все тело было разбито, ныла каждая мышца – даже те, о существовании которых он никогда и не задумывался, во рту был отвратительный сушняк. Одним словом, похмелье во всей своей красе и со всеми сопутствующими ему ощущениями.

«Да, старик, ну ты даешь!» – с укором сказал себе Бобров и, стараясь не сотрясать свою больную голову, уныло побрел в ванную, чтобы встать под холодный душ и попытаться хотя бы немного привести себя в чувства.

Открыв дверь ванной комнаты и уже собираясь зайти в душевую кабину, он кинул короткий взгляд в висящее на стене перед раковиной зеркало и буквально застыл на месте... Через всю левую половину груди проходил след от ногтей!

Выходит, это был не сон? Значит, все, что произошло в его номере этой ночью, ему не привиделось, и Агата на самом деле была здесь? И ОНИ БЫЛИ ВМЕСТЕ...

– Господи, и почему эта женщина так любит оставлять на мне свои следы! – счастливо улыбнувшись, пробормотал себе под нос Бобров, вспомнив расцарапанную щеку – отметину, оставшуюся на его теле после дня рождения Агаты.

Приняв душ и почувствовав себя значительно лучше, он быстро побрился, затем также на скорую руку оделся и вышел в коридор. Стараясь не шуметь, чтобы не разбудить никого из сослуживцев, чьи номера тоже находились на этом этаже, Бобров подошел к соседней двери и с замиранием сердца постучал в нее. Ответа не последовало.

Потоптавшись несколько минут и так ничего и не дождавшись, он вынужден был вернуться к себе, в очередной раз не солоно хлебавши. Но на этот раз он не стал долго терзаться сомнениями насчет благопристойности своего поступка, а сразу же уже проторенной дорогой

вышел на балкон, перевесился через перила и заглянул внутрь соседнего номера. Но, как и в прошлый раз, номер оказался пуст! Агаты в нем опять не было...

«И как только она умудряется всякий раз исчезать так бесследно? Впрочем, появляется она также неожиданно...» – улыбнувшись от приятных воспоминаний о прошлой ночи, подумал Бобров.

Ему ничего более не оставалось делать, как спуститься в ресторан на завтрак. За завтраком Агата также не появилась. Перекусив на скорую руку – этим утром он все привычные ежедневные дела выполнял как-то второпях, поскольку все его мысли были сосредоточены совсем на другом, Бобров подошел к стойке администратора:

– Простите, Вы не видели сегодня утром девушку, которая живет у вас в 34 номере? – спросил он у дежурившего в этот день молодого парня.

Администратор сверился с журналом регистрации постояльцев и поднял на Боброва глаза:

– А она больше у нас не живет!

– Как это так? А Вы ничего не путаете, нельзя ли уточнить? Мы здесь находимся корпоративно, и все номера были забронированы до конца выходных! – облокотившись на стойку и пытаясь заглянуть в журнал, проговорил Бобров на одном дыхании.

– Нет, я ничего не путаю, можете сами в этом убедиться, – ответил парень, переверачивая журнал так, чтобы Боброву было удобнее в него смотреть. – Вот, пожалуйста: Тишинская Агата Павловна сегодня в 7 часов утра сдала ключ от 34 номера и забрала свои документы. Все верно, именно так, как я Вам и сказал.

Бобров поблагодарил администратора и отошел от стойки.

Весь день прошел как-то скомкано – Бобров никак не мог дождаться вечера, когда вся компания вернется обратно в Москву. Уехать же одному раньше своих сотрудников ему показалось неловко, тем более это было бы странно в связи с ранним отъездом из пансионата Агаты.

«Зачем давать лишний повод для слухов?» – благоразумно решил Бобров, хотя и не терпелось рвануть вслед за ней в город.

Наконец, все приличия были соблюдены, и народ, как и в пятницу вечером, стал рассаживаться по машинам.

– А где же Агата Павловна? – спросил Макс, приехавший с ней на одной машине.

– Агате Павловне пришлось вернуться в город раньше по каким-то домашним обстоятельствам, о которых она не сообщила, – чуть заметно покраснев, ответил ему Бобров и направился к своей Ауди.

Глава VI. Возвращение в город

В понедельник с утра Бобров в одном из лучших своих костюмов от Armani (его любимый бренд как в парфюме, так и в одежде) намного раньше обычного уже сидел у себя в кабинете и ждал, когда Агата по установившейся традиции зайдет, чтобы предложить ему чай или кофе, от которых он каждый раз неизменно отказывался. Сегодня он не станет этого делать, а, напротив, предложит ей разделить с ним утреннее чаепитие.

Настенные часы пробили 10 часов, одновременно с этим раздался стук в дверь.

«Странно, с каких это пор она стала стучать?» – удивился про себя Бобров, поскольку раньше это всегда были совершенно другие звуки, больше похожие на кошачье царапанье, нежели на обычный стук в дверь.

– Войдите! – пригласил Бобров, вставая из-за стола, чтобы пойти навстречу Агате и принять у нее из рук чайный поднос.

Дверь раскрылась и на пороге с подносом в руках появилась... Марина, его секретарь, которая до сегодняшнего дня находилась на больничном, и которую подменяла Агата все это время.

– Доброе утро, Сергей Иванович! – улыбнулась Марина, проходя в его кабинет и ставя чайный поднос на стол.

– Здравствуйте, Марина, рад Вас снова видеть в добром здравии! – бодро ответил Бобров, хотя где-то в глубине сердца и чувствовал, что несколько покривил душой: в данный момент он был бы куда более рад видеть совсем другую женщину.

После утреннего чаепития он погрузился в привычную пучину рабочих дел, которые захлестнули его с головой, не давая возможности подумать о чем-нибудь еще до самого вечера.

Вечером же его мысли опять вернулись к Агате – не терпелось ее увидеть. Бобров задулся на пару минут в поисках благовидного предлога, чтобы попросить ее зайти к нему в кабинет, после чего снял трубку и набрал ее внутренний номер:

– Агата Павловна, Вы подготовили сводку отчетов за прошедший месяц? Прошу занести. Нет, не надо через секретаря – возможно, у меня появятся вопросы, и потребуются Ваши комментарии...

Положив трубку на рычаг, Бобров почувствовал, как ком подступил к его горлу, и гулко застучало сердце. Он ослабил узел галстука и расстегнул верхнюю пуговицу рубашки – чтобы легче дышалось.

В дверь характерно царапнулись.

– Да, Агата Павловна, входите, я жду Вас! – пригласил Бобров и постарался принять непринужденную позу в своем директорском кресле.

На пороге, как и тогда – в самый первый день их встречи, появилась Агата. Только на этот раз она выглядела совершенно иначе. Дополняла образ бизнес-вумен папка для бумаг, которую она зажимала под мышкой.

– Отчеты, которые Вы просили... – тихо произнесла Агата, подходя ближе к его столу и передавая ему папку.

– Большое спасибо. Присаживайтесь, пожалуйста, – показал Бобров на стоящее перед письменным столом кресло.

Агата молча опустила в него. Бобров полистал страницы отчета, затем захлопнул папку и отложил ее в сторону. Агата ухмыльнулась, как бы давая этим понять, что ему не удалось ввести ее в заблуждение относительно истинной причины, по которой он попросил ее зайти к нему. Она всегда отличалась редкой проницательностью и интуицией, которая ее почти никогда не подводила.

– Почему ты сбежала вчера из пансионата? Я искал тебя... – понизив голос до доверительного шепота, произнес Бобров, испытующе глядя в ее лицо, и пытаясь определить по нему, что она сейчас чувствует и о чем думает.

Но не тут-то было – лицо Агаты оставалось полностью непроницаемым! Выдержав небольшую паузу, она неопределенно повела плечом и еще менее определенно ответила:

– Так, дела были...

Бобров на минуту растерялся, не зная, как продолжить начатый разговор.

– Да, я понимаю, – ответил он, хотя понимал ее всегда крайне мало. Возможно, это было из-за того, что ТАКИХ женщин ему прежде никогда не встречалось, и поэтому он не всегда знал, как себя с ней вести и как правильно реагировать на ее, мягко говоря, не совсем стандартное поведение.

– Я хотел сказать тебе... – еще тише произнес он, выходя из-за своего стола и подходя к креслу, в котором она сидела. – Я хотел сказать, что мне очень хорошо было ТОЙ ночью... Твое неожиданное появление в моем номере... – Бобров запнулся. – Нет, я хочу сказать, что я всегда ЖДАЛ этого, но НЕ ОЖИДАЛ, не смел надеяться, что ты сама придешь ко мне...

Вконец запутавшись в словах, он остановился и посмотрел на нее.

Агата же удивленно приподняла одну бровь (очень характерное для нее мимическое движение, выражающее крайнюю степень удивления).

– Я всегда прихожу САМА... Когда захочу. А ты разве еще этого не понял? – она остановила недоумевающе скептический взгляд на его лице.

Бобров окончательно смутился и смешался. Присев рядом с ее креслом на корточках, он взял ее тонкую, почти прозрачную ладонь в свои руки и поднес к губам.

– Агата, если бы ты знала, какие чувства пробуждает в моей душе одно только твое присутствие рядом... Мне сразу же хочется прикоснуться к тебе, хотя долгое время я не мог позволить себе даже мысли об этом.

– Так уж и не мог? – ее холодно-ироничное настроение после его проникновенного признания явно изменилось, уступив место игривой веселости. Теперь она смотрела на него, хитро прищурившись.

– Да, ты права – я, действительно, представлял тебя... НАС вдвоем уже давно, – поправился Бобров. – Практически, с того самого момента, как только впервые тебя увидел...

– И что же ты представлял себе? – еще более лукаво улыбнувшись, уже не проговорила, а почти промурлыкала Агата ему в самое ухо (Бобров продолжал сидеть на корточках у ее ног).

Ее поощряющий тон придал ему уверенности, и он решил быть до конца откровенным.

– Ну, я мечтал о том, что когда-нибудь ты станешь моей!

– Я СТАНУ ТВОЕЙ?! – ее лицо опять нахмурилось, и на нем снова отразилась ирония. – А ты полагаешь, что после той ночи я уже СТАЛА ТВОЕЙ? Милый, я не хочу вводить тебя в заблуждение, поэтому скажу сразу: все, что произошло между нами – это просто секс. Мы просто получили удовольствие друг от друга, и это не накладывает ни на тебя, ни на меня никаких обязательств! Извини, если мои слова показались тебе слишком циничными, но я считаю, что куда более циничным с моей стороны было бы заставлять тебя думать иначе...

Бобров резко выпрямился и взбешенно зашагал по кабинету, пытаясь вернуть себе равновесие после всего того, что ему только что пришлось услышать от нее.

– Значит, просто секс – и ничего больше???

– Да, теперь ты правильно меня понял.

– Но как же так, Агата? – Бобров взмахнул рукой, пытаясь подобрать верные слова, которые бы максимально точно выразили те чувства, что он испытывал в данную минуту.

– А что, собственно, тебя так удивило? По-моему, это – довольно распространенная позиция мужчины по отношению к женщине. Или ты полагаешь, что допустимо для мужчины

– не позволительно для женщины? – еще сильнее нахмурившись, отчего ее лицо приобрело довольно грозное выражение, Агата уставилась на него. Ее глаза при этом гневно горели.

«Ничего себе – она же еще и сердится! По-моему, это я в данной ситуации должен быть вне себя от ярости и негодования!» – подумал про себя Бобров, но в слух ничего не сказал, благоразумно рассудив, что продолжение спора их ни к чему хорошему не приведет. Поэтому надо было придумать, как теперь вырывать из этой ситуации, разворачивая ее в правильное русло.

– Нет, ничего подобного я не думаю, – миролюбиво сказал он, подходя опять к ней, пока – на безопасное расстояние. – Просто я считаю, что мужчину и женщину, которые не безразличны друг другу, могут связывать не только физические отношения... А ты мне не безразлична, Агата. И я хотел бы надеяться, что когда-нибудь ты почувствуешь ко мне то же самое!

– Ну, проживем – увидим... – смягчившись, ответила Агата.

Тогда Бобров, почувствовав, что на этот раз гроза миновала, отважился подойти к ней совсем вплотную и, наклонившись, поцеловал ее в шею.

Агата не отпрянула и не оттолкнула его. Это добавило ему смелости, и он решился на еще более чувственный поцелуй, захватив ее нижнюю губу своими губами. Агата ответила на поцелуй, проведя своей ладонью по его щеке. Это окончательно сняло его с тормозов – он подхватил ее на руки, приподнял с кресла и понес на стоящий в углу кабинета диван. Агата не сопротивлялась, а, наоборот, охотно отвечала на его ласки.

Все произошло очень бурно, с большим накалом страстей. Однако на этот раз она не стала оставлять на нем своих меток. Пострадала только его рубашка, пуговицы которой уже не было времени расстегивать, а поэтому не все из них остались на своих местах – некоторые были вырваны, что называется, с мясом.

Такие их встречи происходили каждый вечер на протяжении всей недели. Бобров, шифруясь и стараясь не светиться перед остальными сотрудниками своей фирмы, каждый раз находил какой-нибудь предлог для того, чтобы пригласить Агату в свой кабинет. После чего они буквально набрасывались друг на друга, не в силах сдержать свой голод. Чаще всего Агата выбирала для любви то самое кресло, которое стояло спиной к окну, и которое она облюбовала в день их знакомства. Почему-то именно оно нравилось ей больше всех остальных – так обычно ведут себя кошки, выбирая в помещении одно кресло, которое становится «их местом».

Но иногда Боброву удавалось ее перехватить и отнести на диван, где, безусловно, было куда более удобно предаваться любовным утехам, или на свой письменный стол. Очень часто во время страстной и безудержной любви Агата поворачивалась к Боброву спиной и просила, чтобы он взял ее сзади, нежно покусывая при этом за «холку». Его удивляла эта ее странность, но он никогда не возражал против нее, считая еще одной причудой Агаты.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.